

The background of the entire page is a classic marbled paper pattern, featuring intricate, organic shapes in shades of light beige, cream, and soft grey, set against a slightly darker, muted greenish-grey base. The pattern resembles natural stone or biological tissue. In the center, there is a prominent black rectangular box with a double white border. Inside this box, the text is centered and white.

5:23

Авторский сборник

Стулова Варвара

Варвара Стулова

5:23

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40489893

ISBN 9785449623317

Аннотация

огромный вклад в создание этого сборника внес Калинин Никита.все тот же верный друг и безумный товарищ.и самый лучший редактор.

Содержание

стихотворения	7
лили	7
паутина плачущего моря	9
отпусти	10
...	11
я пока посижу во втором ряду	12
не хватает	13
amare	14
510294	15
тупик	16
май	17
небеса мои вновь рыдают	18
исповедь	19
коды	20
дыши	21
августина	22
призрак	24
26	25
не выходи из комнаты	26
пожалуйста, не читай меня	27
художник	28
варя	30
5:23	32

маленький принц	34
муза	36
километры	38
тамагочи	40
на запотевших стеклах	42
зависимость	43
спи, маленькая	44
не хороните меня в шестнадцать	45
ты нужна мне	46
как раньше	47
с наступленьем темноты	49
здравствуй, друг	50
и от боли сердце вновь сжималось	51
не ложатся ровно строфы	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

5:23

Варвара Стулова

© Варвара Стулова, 2019

ISBN 978-5-4496-2331-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*этот сборник посвящен всем призракам из моего прошлого.
как ни странно, но я благодарна всем, кто был в моей жизни
на тот момент.
ни имен, ни описаний.
вы останетесь навсегда на этих страницах неизвестной
истории.*

особую благодарность выражаю своему другу и верному товарищу во всех безумных творениях.

если бы не он, то мой сборник навечно остался на пыльной полке. я бы случайно оставила его в каком-нибудь старом питерском дворе, или того хуже – я бы его сожгла. я ни капли не жалею о том, что самый первый рукописный вариант хранится именно у тебя. я уверена, что он в надежных руках. ведь именно с тобой за столь короткое время в моей жизни произошли самые огромные и замечательные измене-

ния. я никогда не думала, что смогу настолько сильно поверить в себя. и настолько сильно довериться тебе. я не хочу

посвящать эти больные, изрезанные болью и тоской строки, тебе.

я скажу больше.

я завещаю тебе этот момент.

сохрани его в себе.

и никогда не забывай, как мы пытались с разбитых вновь стать целыми.

и всегда помни, что у нас это получилось.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛИЛИ

ветер на улице, гаснут огни,
а лили все также сидит у окна.
медленно, скучно сменяются дни.
скоро наступит зима.

а лили всегда любила мечтать
и представлять бесконечные звезды.
*мама, скажи, а куда птицы летят,
а как бушуют сильные грозы?*

морозная стужа, в доме холодный пол.
лобик детский гладят нежные руки.
*мама, а как на окне узоры рисует мороз,
а какой взгляд у того, кого гложут муки?*

светлая комната, на стенах цветные цветы.
лили пятнадцать. все обнимает игрушку.
лили видит лишь серые сны
и плачет порой, уткнувшись лицом в подушку.

цветущее лето, красивый сад.

а лили все также сидит у окна.

*мама, скажи, каким оттенком пылает закат,
а какая на небе бывает луна?*

разноцветная осень, лужи кругом.

звук палочки об асфальт.

лили по памяти ищет дом,

закрывая очками глаза.

темная комната, на стенах кровавые птицы-разлуки.

лили за двадцать. сжимает игрушку рукой.

мама, а какой взгляд у того, кого гложут муки?

мама, не говори, я знаю. как у меня – слепой.

паутина плачущего моря

дым табачный воздух выел,
я был в квартире, как в плену.
помнит сердце страшный выстрел,
помнит мысли, что в бреду.

птицы бились в твои окна,
оставляя душу на стекле.
не впускала ты, а птицам было больно,
я теперь за них страдаю на листе.

робкий клавиш звук разрежет тишину,
и пальцы вспомнят старые мотивы.
и там, где за берег шагну,
я оставляю за собой разливы
всех тех стихов,
которые во мне томились.

но чужие руки унесут тебя,
а я останусь там,
где ветер воя,
мерзнуть бросит без огня,
в паутине плачущего моря.

ОТПУСТИ

снова не можешь уснуть в ночи; летают птицы больших фар на твоей стене. ты все шепчешь ей: *прошу, отпусти, мне ведь надо куда-то лететь.*

вспомни: ты когда-то рушила стены и заливалась смехом, стряхивала пепел с пальцев и бежала за ветром. солнце грелось в твоих кудрях, а ласточки вили там гнезда. ты была той, кто никогда не предаст, а еще ты любила море.

твоя улыбка утром будила меня рассветом, а глаза-звезды всегда пели грустные песни.

но лишь вспомни: *ты когда-то была одним целым.*

ты была чьим-то секретом.

вновь ручка в руке, но ни одной не напишешь строчки. порой бывает трудно убить одиночество.

ты хотела бы стать восклицательным, но превратилась в точку.

я напишу письмо от имени неизвестно...

но адрес прибытия где-то потерян,
а сам отправитель, кажется, мертв.
на кухне, слышит, время
свой замедлило ход.
в комнатах гибнут растения,
ведь их хозяин слишком убит.
в мыслях муть, хоть вешайся
или бросайся пить.

когда-то в поисках счастья был,
но он так и не смог найти.
и ту, что вроде недавно так сильно /не/любил,
не может, наконец, отпустить и забыть.
*опять все строчки гуляют в пляс.
сгорают память сухими комками.
я уйду, оставляя ее догорать.
ты только не трогай ее руками.*

я пока посижу во втором ряду

там,
/присмотритесь/
в фиолетовом небе
плачут деревья,
птицы меняю полет
на падение.
электрический ток бежит
сквозь провода.
твой мир на два фронта:
было до и
что будет потом —
распадается
на
куски.

а ты говоришь:
я пока посижу во втором ряду.
смотришь на их улыбки,
смех.
тихо.
я почти что счастлив...

/только не быть здесь/

не хватает

пишу тебе совершенно больной.

и пьяный.

вот только все письма опять в никуда.

я все вижу, как большая железная птица

уносит тебя от меня.

в каждом измученном стоне и в белой

полоске на светлом небе – твои губы,

руки

и шея.

в каждой туче на сером небе – мои

больные

созвездья.

дешевые сигареты, лишь способ на время скрыться.

нелепые танцы по краю – всего лишь сорваться с крыши.

знаешь,

мне не хватает воздуха.

а ты ведь уже не мною дышишь.

amare

мне сегодня приснились ночью
глаза твои
и слова твои.
а на утро всего лишь холод
поселился опять в груди.

мне сегодня в лицо сказали:

ее нет,

перестань глупить.

а я внутри про себя кричала:

я никогда не перестану тебя любить.

510294

если это наша с тобой судьба,
то мы обязательно где-нибудь встретимся,
слышишь?

в дождливый четверг
под одинокой крышей,
под питерским небом,
где поют птицы.

*я их люблю,
ты вроде тоже.*

заплетать буду в косу ленты
всех цветов,
чтоб не скучно.
скурим всю пачку напололам.

*я люблю вдыхать дым,
ты вроде тоже.*

в мае капает с неба дождик,
значит, прыгать по лужам будем.
и если это наша с тобой судьба,
мы не забудем?...

ТУПИК

все зашло в тупик.
я больше не могу писать.
разрушая все в один миг,
я от тоски буду рыдать.

увидев новую тебя,
я потерял голову.
тебе так хорошо без меня —
я не жалею, что ушел в сторону.

все зашло в тупик.
я больше не могу писать.
опустив голову, совсем поник,
понимая, что ужасное – тебя обратно ждать.

гуляя в одиночку по городу,
обхожу места, где могли быть бы.
срываюсь на каждого без повода,
вспоминая *прелести* этой весны.

все зашло в тупик.
я больше не могу писать.
ею навечно убит.
закрываю свою тетрадь.

май

*пусть сердцу вечно снится май
и та, что навсегда люблю я.
с. есенин.*

пусть сердцу вечно снится май
и берегов зеленая ограда.
в глухую даль я закричу:
любимая встречай!
и пусть нас ночь укроет тенью сада...

пусть в сердце навсегда тоска —
давно друг друга отлюбили.
но мне все снятся ласки и глаза.
и чувства, что меня когда-то погубили.

небеса мои вновь рыдают

небеса мои вновь рыдают.

я рядом, здесь, где звезды ярко погибают.

кричи! не дай мне исчезнуть в тумане,

а если позволишь – отнеси мое тело маме.

зови меня! я не знаю, где искать мне выход.

шаг за шагом иду, делая последний выдох.

кричи! не теряй меня в этом лесу.

ты разве не слышишь? я тоже изо всех сил кричу.

небеса мои вновь рыдают.

я рядом, здесь, где звезды ярко погибают.

не кричи. смерть на небе звезду зажгла.

ты видишь?

это я умерла.

ИСПОВЕДЬ

я лишь жалкий поэт и пьяница. и жизнь свою прожил я зря, но помню, как я умолял о рае, когда туда мне было нельзя. предо мной ворота закрыты были, а я стоял – сзади меня грехи. я ждал, что все же господь услышит о том, о чем его я и просил:

сейчас я прошу о боли только.

со своей исповедью я созрел.

я прошу, накажи меня кровью и потом, боже,

накажи меня вечностью под землей.

я стою на коленях, сдирая кожу,

и я каюсь здесь, господи, пред тобой.

как молитву – да в кровь все губы – я продолжал повторять слова и шептать:

ты прости меня, боже, что я не верил в тебя никогда, как я верю в тебя сейчас...

КОДЫ

я вновь возвращаюсь к тому, с чего начал.

новый день – понедельник, вторник, среда и так дальше –
ломаюсь,
может быть, без тебя, я не знаю.

шифруюсь опять запятыми, цифрами.
плаваю где-то за строчками.
никто не слышит.
вновь многоточия —
коды.

новый день – сгораю от взглядов.
ты продолжаешь болеть где-то внутри – вырываю —
но, может, не надо?...

новый день – понедельник, весна – умираю.

ДЫШИ

бесконечным закатом рисованы руки, запястья – плетенье кружев. лучи от солнца – и будто утро само проснулось, толкая небо, чуть-чуть уснувшее. в груди – океаны, а вместо легких – киты. в мире ненастном есть зазеркалье. добеги до него и живи.

дыши.

все что-то кричит и рвется, но все перечеркнуто нитью. в каждом твоём рассвете я оживаю птицей.

во вздохе вселенной – усну, на выдохе – задохнусь.

семь миллиардов людей на одну звезду.

августина

августина, привет. я совсем одинок.

в тихий вечер придет на крыльцо письмо. ты выйдешь, как обычно платье отдернешь рукой. чуть брови нахмутив, возьмешь листок.

августина.

так когда-то звали мою любовь.

ты засмеешься, увидев лишь пару строк, тихо закроешь дверь и нальешь вино. как всегда ты сядешь прямо на стол; в тишине потухнет твой легкий вздох.

августина.

ты помнишь наш вечер гроз? а солнце, что блистало в кустах ольхи? А ту весну, что сломала ведь нас двоих?

сложишь письмо пополам – на минуту к груди – а, может, и нет. подпрыгнешь скорее к костру – на стенах запляшет свет. прошепчешь куда-то: *уйди, ты всего лишь простая тень.*

августина.

среди сотни сожженных тобой листов... присмотришь:

там моя смерть.

призрак

наш город почему-то для нас превратился в призрак, где воспоминания бродят сквозь гранитные стены. в неве застыли грустные птицы.

и фонари застыли.

раньше наш город казался бессмертным. я помню, ты говорила, что тучи временно, а ветер холодный скоро сменится летом. но сейчас понимаю: мы жили каким-то нелепым сюжетом.

бесцветным.

а теперь – холодное небо к утру. все совершенно пустое.

вокруг и внутри.

и только речная гладь сумеет все отразить в себе.

все то, что забыла ты.

мне так жаль, что этот месяц был прожит зря.

среди пустых улиц хожу одна, на шее нетеплый шарф,
а январь превратился в мертвый февраль.

мне так жаль, что я не смогла ничего понять.

никчемные мысли, нескладные рифмы —
я все еще не могу найти себя у себя в голове.
запутавшись в бесконечных дорогах, я убегая во сне.
от самой же себя, ты ведь знаешь.

на всех страницах — пустая ложь.

никому никогда не понять меня, даже мне.

*мне так жаль, что этот месяц был прожит зря.
в тишине лишь безумный смех.*

НЕ ВЫХОДИ ИЗ КОМНАТЫ

не выходи из комнаты.
сегодня, пожалуй, будет лучше выйти в окно.
слушай, что велят тебе твои шепоты,
в душе твоей все равно темно.

не выходи из комнаты,
в этом мире не осталось совсем ничего.
посмотри, люди здесь перевернуты.
глупые, они глотают хмельное вино.
их солнце сгорает в оконном стекле,
а мечты и надежды – иссякли.
этих людей позабудут в могильной земле,
их в могилах умоют печальные капли.

не выходи из комнаты,
свой век доживи в безумии.
пусть тело твое ножами исколото,
но запомни, что сейчас главное это —
бездушие.

пожалуйста, не читай меня

здравствуй, я опять пишу в никуда.

на моих стенах все те же часы, они с грустью стрелкой показывают на меня и мне, кажется, они говорят: *посмотри, что стало с тобой, нам все же немного жаль.*

в комнате слишком громко шумит телевизор, за окнами скоро наступит весна. только я, когда птицы утром запели, вновь погрузилась в себя.

я погибала на чернеющих простынях, тихо, не говоря ни слова. ты помнишь, я учила тебя летать. вспомни, как ты любила дождик.

мне так жаль, что мой взгляд для тебя, теперь лишь взгляд простого прохожего.

здравствуй, я опять пишу в никуда.

пожалуйста, не читай меня.

я умру запутанной в проводах, когда в душу войдет моя больная весна.

ХУДОЖНИК

я вспоминала недавно, как мы с тобой пытались руками поймать свободу, рисуя на простынях черное море. и уже тогда я знала, что в глазах твоих были спрятаны звезды, которые в прошлом падали мне на голову.

я замечала, когда ты украдкой прятала слезы, но для меня говорила, что все прекрасно. я все еще помню – твоя кожа имела всегда запах чайной розы, когда я была влюблена в тебя.

ты часто гуляла по городу, а ветер трепал твои разноцветные волосы. я, если честно, видела тебя среди прохожих, но лишь печально смотрела в сторону. я несчастна была и писала глупую прозу, молилась, чтобы день был весело прожит. я ненавидела в городе нашем погоду, тебя и слишком грязный для легких воздух.

с октября по февраль – одиночка, в конце сообщений – прочерк.

но помни, мы же с тобой художники – мы рисуем судьбы исходы.

и я рада, что смогла отпустить тебя и забыть запах чайной
розы.

варя

она писала всегда что-то странное, порой забывала о чем-то важном. в душе слишком сломлена и изранена. все это – всего лишь глупая варя.

она иногда замирала от взгляда, который показался ей осуждающим. умирала от слов *безобразна* и намного большей – *неправильно*.

она много раз не спала ночами и пропадала на долгое время. не выходя из квартиры, она рисовала, писала книги, но ни одну не закончила. ведь в каждой книге конец счастливый, вы помните? а на варю это совсем не похоже.

варя не верила в бога, но постоянно кому-то твердила: *может, если я была немного смелее, то я непременно запела б? или прочитала стихи без дрожи, смогла бы отрываться миру?*

но варя была ничтожна – так ей говорили.

она не умела сдерживать слезы и часто срывалась на ком-то близком. она ненавидела себя слишком сильно и про себя стихи писать, ну, совсем не любила.

*варя была ничтожна. для всех.
и она согласилась с этим.
птица, что лишена полета —
варя навеки в клетке.*

5:23

у меня сотни мыслей и отговорок, миллионы идей и непонятных фраз в голове. у меня в карманах конфеты, в руках — жалкий внутренний мир.

мой сердечный друг где-то повесился, и я не могу его найти.

я помню, он говорил мне: *ты сможешь стать кем-нибудь, если сможешь себя спасти.*

прости, я обещанье сдержать не смог. упал и навечно разбился. и без тебя, мой единственный друг, от горя, наверное, спился.

несчастный, бездушный поэт. в творениях этих самому бы увидеть смысл. не закрывать глаза, не резать пальцы об лист, развязать бы узел на сердце из красных нитей.

5:23

на часах.

что-то замрет в груди.

прошу, разгадай в этих недостигах
меня,

пока я еще жив.

маленький принц

я продолжаю строки свои бросать в пустоту и изводить себя до последней капли, падать в бесконечные пропасти и разбиваться вдребезги, не имея сил целым остаться.

в моей голове, в воспоминаниях, ты с легкой улыбкой твердишь: *давай, мы придумаем сказку, где счастливыми все же останемся жить.*

но, кажется, я убита твоим молчанием.

вновь пропадаешь на другом проводе телефона. я тебе кричу, мой принц! ты разве не слышишь? – мне в мире этом без тебя одиноко.

давай, мы встретимся? в кармане у меня для тебя сигареты, я ворох стихов прихвачу с собою, таких нелепых, которые ты так любил...

где затерялся ты?

на каком краю света,

на каком островке мне искать тебя?

мой маленький принц, ты украл мое сердце.

мой единственный верный друг, помнишь ли ты меня?

муза

*цепляясь за воздух, что пока еще был в моих
легких,
я строчила письма куда-то
и для кого-то...
для кого-то.*

память плохая – еще не забыла. да и вовсе еще не плевать,
ведь каждый раз в груди что-то, сжимаясь с силой, просит:
не отпускай.

не отпускать.
болеть.

но рвать все листы, что от нее остались, удалять сообщения и фотографии. в кровь разбивать костяшки на пальцах, окрашивая стены в сплошные пятна. проводить день за днем у телефона, что никогда больше не зазвонит. смотреть на ветку, где младая ворона все также грозно молчит.

*но никому не говорить,
что и где у меня
болит.*

продолжать бродить в одиночку по парку, пить тупую

отраву, до конца отравляя сгнившую душу.

я – недопоэт и пьяница, что посмел когда-то влюбиться
в музу.

километры

я помню тонкость рук и вены,
что будто реки на картах.
я помню глаза —
они смотрели печально.
наизусть – все слова и сообщения,
когда между нами теперь километры,
хотя
наши улицы вроде всегда соседи.

я закрываю глаза – волосы вижу,
руки, губы и плечи.
я хочу снова хоть что-то значить
и верить хочу, что время, быть может,
лечит.

но ночью мне снова не спится:
краски, блокнот, сигареты.
твои глаза мне в душу врезают спицы.
на моих листах от боли твои портреты.

так хотелось бы выбросить тебя из памяти,
мыслей.
и не тревожить себя понапрасну.
но вновь – фотографии на экране, на бумаге
больные цифры

и в пустом диалоге стертое быстро
здравствуй.

Тамагочи

в детстве я воображала себя тамагочи
и пыталась казаться невидимой, незаметной.
я глотала истошные крики, соленые слезы ночью.
мама меня не заметила...

а бабушка в церкви ставила свечи,
исправно молилась и целовала иконы.

только я в углу каждый раз с силой сжимала плечи —
пыталась заглушить в чужих голосах свои стоны.

в душу страх пробирался и скрещивал на шее мои же ру-
ки,

страшно было заснуть, но проснуться — еще страшнее.

я терпела каждодневные муки,

но пыталась */честно/* убить в голове зачаток змея.

в школе говорить старалась поменьше,

сбегала от своих одноклассников, но больше от галлюци-
наций.

прятала глаза при встречах, в комнате писала стихи —
это было верным процессом моей адаптации.

внушала себе, что я в полном порядке,

в зеркалах натягивала улыбки, была веселой,

но что-то пошло не по списку в моей тетради,

я оказалось мертвой.

*в детстве я воображала себя тамагочи
и пыталась казаться невидимой, незаметной.
стирала из памяти плохие моменты,
имена, лица, даты и время, но,
наверное,
что-то
где-то
перегорело.*

на запотевших стеклах

на запотевших стеклах я выводила рисунки,
поверхности касалась холодными пальцами.
через раз не спала целыми сутками,
а глаза мои в этом мире стали давно скитальцами.
на забытых окнах я рисовала ноты,
цепляясь за паутину и грязь ногтями.
в подушку ночью я прятала слезы,
кусала от вопля запястья зубами.
на запотевших стеклах я оставляла послания,
выдыхая из легких свой мертвый воздух.
не было сил, но я продолжала вызывать противную рвоту.
в отраженьях на стеклах было видно, как я рыдала,
слезы роняя в потертый карман.
и в груди /где-то/ все больше гноилась рана,
темнотой заполняя мой океан.

ЗАВИСИМОСТЬ

я нашел в тебе то, что потерял,
но я больше не твоя зависимость.
я месяцами все чего-то ждал,
о стены разбиваясь мелким бисером.

и вдаль свой взор я обращал,
желая отыскать твой силуэт.
грустные стихи я сочинял,
грустные такие, как и их поэт

*и в хороводе ночных огней
я все также видел твое лицо.*

и сколько, скажите, бессонных ночей
я провел, запивая тоску вином?
сколько раз я вдыхал едкий дым,
легкие убивая и голову?
хотелось мне умереть молодым,
чтоб не скитаться в одиночку по городу.

я нашел в тебе то, что потерял,
но я больше не твоя зависимость.
я продолжал в толпе тебя искать
и руки резать мелким бисером.

спи, маленькая

спи, милая.

твои глаза устали показывать боль,
просто уйди в мир снов по чудесной дороге вдоль.

спи, милая.

спи, сладкая.

твоя душа устала от издевательств,
от *дружбы* без обязательств,
бесконечных предательств.

спи, сладкая.

спи, маленькая.

пусть волны снов заглушат твои всхлипы,
умоют твои ноги, которые от жизни сбиты.

спи, маленькая.

не хороните меня в шестнадцать

не хороните меня в шестнадцать. не хороните в грязно-серый день, когда на кладбище ворон клювом клацает, перебирая кости мертвых людей.

не хороните меня в шестнадцать. я еще не успела мира всего повидать и глазами детскими повосхищаться. и даже чуть-чуть помечтать.

не хорони меня в шестнадцать, мама. и не плети похоронный венок, но ты меня даже не любишь. даже ни грамма, и ты ждешь пока последний в руки падет лепесток.

не хороните меня в шестнадцать.

как молитву каждый день повторяла я.

не хороните меня в шестнадцать.

я ведь даже еще не жила.

ТЫ НУЖНА МНЕ

ты нужна мне для того, чтобы притупить боль,
но сам того не понимая, я вновь
стекаю кровью по своим запястьям,
убивая нахлынувшее чувство счастья.

ты нужна мне для того, чтобы чувствовать
хоть что-то кроме горя.
и пусть хоть маленькая жизнь
промелькнет в моем бездушном взоре.

как раньше

я хочу как раньше —
пять утра – чашка с какао.
я – стихи,
ты – рисунки.
я хочу как раньше —
не спать сутками.

рассветы встречать,
ждать, пока ты придешь из художки,
твои смс получать
и *как дела?* вдогонку.
переписки без перерыва,
вечно смешные истории,
рассказывать, что за день было,
а потом писать аллегории.

мы ходили с тобой в поликлинику,
а потом еще на улице мерзли,
по художественным магазинам бродили,
а потом я писала прозу.

/все помню/

делилась сокровенным ночью,
не боясь того, что я слишком странная.
с тобой – я не была одиночкой,
перед тобой я могла раскаться.

но сейчас, понимаю, что
мы стали другими,
не такими,
как раньше с тобою были.

с наступлением темноты

ты знаешь, что с наступлением темноты,
я бреду сквозь улицы и ветер,
подбираю я увядшие цветы,
думая об этом грустном вечере.

и вновь крадутся вслед за мной
тени, расплываясь сзади на асфальте.
не дают они мне путь найти домой,
оставляют в старом, мрачном парке.
обрывают за меня все связи.
и снова здесь в одиночку танцую я.
жаль, что все чувства у меня потерялись,
быть может, по ним и тоскую я?...

ты знаешь, что с наступлением темноты,
я бреду сквозь улицы и ветер,
подбираю я увядшие цветы,
после умирая с ними на рассвете.

Здравствуй, друг

здравствуй, друг.

мне кажется, я умер.

прикосновенья чую чужих рук —

совсем уж обезумел.

слышу голоса, чувствую спиною взгляд.

они за мной придут. я знаю точно.

но я боюсь смотреть назад —

от этого бывает слишком тошно.

бьюсь в истерике, пытаюсь отогнать

всех монстров, что меня сжирают.

родная отвергла меня мать,

и жизнь уж потихоньку покидает.

уходит дальнею дорогой,

с собою забирая свет.

и станет тьма моей подругой.

для мира этого меня уж нет.

и только пыльный слой печальных букв

останется на память в наших судьбах.

ну, здравствуй, друг мой,

мне кажется, я снова умер.

и от боли сердце вновь сжималось

и от боли сердце вновь сжималось,
а бледные цветы качали головой.
в душе, внутри, все пакостно смеялось,
и что-то повторяло: *опять ты не живой.*

я заново забился в угол,
пытаясь заглушить все голоса.
но мне кричали: *ты чуждак и глупый!*
пришло б побыстрей время твоего конца.

и через звуки этих голосов,
я не слышал больше ничего.
я видел только козни тех глупцов,
что мне бросали точно грязь в лицо.

но только бледные цветы качали головой
и смотрели глубоко мне в душу.
я встать пытался и направиться домой,
но путь мой загородила стужа.

вечный холод покой свой нашел во мне,
решив поселиться там навсегда.
грусть к моей привязал руке,
а печаль уложил в глаза.

и от этого сердце сжималось,
полуживое пыталось исчезнуть вовсе,
ведь внутри у меня ничего не осталось —
только тоска да осень.

не ложатся ровно строфы

дни проходят слишком быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.